

Татьяна СТОЛЯРОВА

Донецк

Родилась в Донецке. Окончила биологический факультет Донецкого национального университета. В настоящее время — старший преподаватель кафедры физиологии человека и животных Донецкого государственного университета. Член Союза писателей ДНР. Публиковалась в сборниках «Выбор Донбасса», «Живи, Донбасс!», «Донбасс живёт»; в российских журналах «Уральский следопыт», «Сибирские огни», «Северо-Муйские огни», «Огни над Бией». Издала собственный сборник рассказов «Посмотрим, что ТАМ...».

МАЛЬЧИКИ

Пять уроков. Ещё классный час. Вторая годовщина образования Республики. Очередной Урок мужества.

Давались они теперь Ольге Николаевне нелегко. Но не хотела она, чтобы ученики узнали о том, что случилось в её семье. Коллеги, понятно, были в курсе, от них такое не скроешь. Вели себя тактично, насколько могли, — в её присутствии не обсуждали семейные проблемы, отводили глаза, когда начинались разговоры о детях и внуках. Но дошло ли до ребят? Иногда она мучительно вглядывалась в их лица, пытаясь определить: сочувственно на неё смотрят, или показались?

Ещё в коридоре она поняла: добром день не закончится. Ясно, шумят, пока в класс не войдёшь. Но сейчас шум был неправильный. Нездоровый.

Ольга Николаевна рывком распахнула дверь своего десятого «Б».

Вначале она вообще ничего не увидела из-за спин. Её тоже не заметили. Все сгрудились в кучу, в центре которой происходило что-то явно неординарное.

— Ну-ка, что здесь творится?

Ученики посторонились, но расходиться не спешили. Лица у большинства были, мягко говоря, озадаченные.

Она шагнула вперёд.

На полу верхом на Лёшке Кудинове восседал Костя Томченко и размеренно лупил его по физиономии.

Лёшка корячился и орал матом:

— Пус-с-сти-и-и... ты...!

— Костя, да ты что?! — ахнула Ольга Николаевна. — Встань сейчас же!

Она схватила мальчишку за плечи и потащила к себе.

От кого-кого, а от Кости она такого не ожидала. Пожалуй, это был самый спокойный мальчик в классе. Среднего роста, не отличник, не ярый спортсмен. Но крепкий, основательный такой мужичок. Поручения выполнял без энтузиазма, но и без возражений. В авантюры обычно не вмешивался, лишь поглядывал насмешливо.

То есть произошло нечто из ряда вон.

А взглянув Косте в лицо, она просто испугалась. Оно было бледным, и глаза почти закатились под лоб.

— Ты меня слышишь? — Ольга Николаевна сильно встряхнула его, стараясь поставить на ноги.

Тяжело дыша, мальчик высвободился и опёрся о парту.

Лёшка поднялся с пола. Был он на голову выше Томченко, причём спортом как раз занимался — крутил педали в велоклубе. Достаточно обеспеченные родители приобрели ему крутейший гоночный велосипед, бывший предметом несказанной гордости. Держал он себя нагло, но до сих пор на неприятности не нарывался.

Потрогав разбитую губу, Кудинов с ненавистью процедил:

— Ну, тварь, погоди, разберёмся ещё!..

— Что случилось? — спросила она как можно жёстче.

Костя молчал.

— Я вас спрашиваю! Ну?

— За папашу вступился, — зло процедил Лёшка и сплюнул прямо на пол. — Я сказал, что его отец — ...!

«Ого! Ну, не только ... ты его назвал, само собой. Поинтереснее добавил».

— Вот оно как! И почему же ты так думаешь?

Костя рядом передохнул с присвистом.

— Так и есть. За ДНР воюет!

Ольгу Николаевну словно ударило; она выпрямилась и откинула голову.

— Значит, по-твоему, можно оскорблять тех, кто за ДНР сражаться пошёл?

— А кто умный под мины полезет? Да ещё задаром! Сколько им там платят — копейки! Контрактники ещё ладно, им прилично башляют.

Маленькая Лера Сенченко заморгала испуганно.

«Знает?»

— Лёха у нас ДНР не любит! — ехидно крикнули сзади.

— Почему не люблю? — Кудинов ослабился. — Люблю. Мои родаки при Яныке столько не зашибали. А сейчас через границу товар везут, здесь в три раза дороже сдают. Да здравствует Республика!

— Значит, презираешь. Только пользуешься ситуацией. Имеет место быть. Но в таком случае хотя бы не кошунствуют. «Да здравствует Республика!» — не кричат. Помалкивают, чтобы не задевать тех, кто по-другому думает.

— А какая разница? Сдали бы Донецк, кричали бы: «Слава Украине!»

— Кричал бы?

— Как все — так и я!

«Спокойно. Дыши. Не то сейчас вцепишься ему в морду и без работы останешься».

— Очень удачно вы подрались, — она постаралась придать интонации саркастический оттенок. — Как раз по теме классного часа. Садитесь на места. Кудинов, умойся. Томченко, ты тоже. Садитесь, говорю!

Десятиклассники нехотя расползлись. Лёшка подошёл к умывальнику, ополоснул лицо. Костя подошёл после, умываться не стал, демонстративно вымыл руки и отряхнул брезгливо.

— По-хорошему, надо мне сейчас разразиться длинной нравоучительной речью, — проговорила Ольга Николаевна. — О том, что драться нельзя, и о том, что это наказуемо. Вы же этого не знали, правда? В первый раз слышите? И, кстати, о том, что родителей чьих-либо оскорблять тоже не рекомендуется. Многие сильно обижаются почему-то. А на Востоке за это вообще убивают. Вот дикари, да?

Раздалось несколько смешков.

— А потом пригласить директора и учинить разбор полётов часа на полтора. Но тратить время я не буду. Я сегодня и не собиралась ничего вам рассказывать. А хотела видео показать.

Кабинет был оборудован хорошо, спонсоры ещё до войны постарались. Комп с мультимедийным проектором имелся, даже интернет провели. Но она всё равно записала видео на

диск: вдруг откажет по закону подлости, как оно всегда и бывает?..

Ольга Николаевна включила компьютер, вложила диск и села спиной к экрану. Один раз уже заставила себя это посмотреть, с неё довольно...

Но музыка не давала забыть, что происходит там, на экране.

Фильм длился около получаса.

Кадр делился пополам. Слева — Донецк семьдесят пять лет назад. Справа — наше время.

Вечные «курганы тёмные». Мирный город. Фото улиц со рокового года — съёмки тех же мест перед Евро-2012.

Немецкий марш. Факельные шествия. Германия 1939 года — Украина 2014-го. Майдан. Горящие «беркуты».

«Ненависть» Высоцкого. Разгон антигитлеровской демонстрации — Дом профсоюзов в Одессе. Обугленные тела.

«Моя ладонь превратилась в кулак» Цоя. Бомбёжка городов СССР. Гитлеровские танки. Обрушивающиеся дома. Оккупированный Донецк — украинские танки в Мариуполе, которые люди пытаются остановить своими телами. Луганская ОГА. Женщина с оторванными ногами. Обстрел многоэтажек. Обгоревшие трупы в машине возле ДК имени Октябрьской революции.

«Колыбельная». Исхудавшие дети за решёткой концлагеря. Горы трупов сбрасывают в ров — малыши выглядывают из подвала. Похороны. Маленькие гробы в кружевах.

«Донецкий аэропорт» группы «Опасные». Курская дуга. Воздушные бои. Немецкие военнопленные — Саур-могила. Иловайск. Дебальцево. Аэропорт. Салют в честь павших бойцов ДНР.

Ниночка Куприянова вдруг всхлипнула и уронила голову на руки.

Ольга Николаевна похолодела.

«Ой, батюшки, дура проклятая! Забыла из-за уroda этого!»

Отец Ниночки погиб год назад под Дебальцево. Учительница хотела под каким-то предлогом отправить её с классного часа — да с этой дракой из виду выпустила!

Она поспешно приглушила звук.

— Нина, если тебе нехорошо, можешь пойти домой!

— Нет, нет, Ольга Николаевна! — девочка поспешно подняла глаза. — Я досмотреть хочу...

Заключительные пять минут были уже более оптимистичны. На фоне стен разрушенного Иверского монастыря выступал поэт.

То ли тёткою, то ли мачехой
Крест пропившая мне Украина...

Закончилось. Всё. Тишина.

— Последние кадры снимали под прицелом снайперов, — сухо сообщила Ольга Николаевна. — С обеих сторон. Там противники друг друга в бинокль видят. Съёмочная группа приехала, наши засекли снайперскую группу. Выставили своих. Так и работали. Как вы думаете, зачем они это делали?

Завозились. Заёрзали.

— Чтобы все видели, как монастырь пострадал, — осторожно высказалась Лера.

— Чтобы показать гадам, что их не боятся! — крикнул Славик Богданов с задней парты. — Правильно?

— Правильно, наверное. Дома ещё обдумайте. Я только одно хочу спросить. Алексей, поднимись, пожалуйста.

Кудинов сидел, скособочась и уставившись в угол.

— Поднимись.

Он всё же встал, нарочно грохнув стулом.

— Ты будешь кричать «Слава Украине»?

Молчание.

— Не слышу!

— Да оставьте его, Ольга Николаевна, — хмыкнула Ничочка. — Не понять ему!

— Возможно. Ну что же, думаю, достаточно на сегодня. Свободны. Всего доброго.

Лёшка сорвался с места, подхватив сумку, бросил на неё ненавидящий взгляд и вылетел за дверь. Остальные тихо потянулись следом.

Последним вышел Костя. Проходя мимо учительницы, буркнул:

— Извините... пожалуйста.

— До завтра, Костя, — вздохнула она, пряча диск в сумку.

«Сорвалась всё-таки, — тоскливо думала Ольга Николаевна, бредя к остановке. — Завтра, к гадалке не ходи, родители

будут рассказывать, какой страшный вред я нанесла неокрепшей психике их чувствительного и ранимого мальчика. И не наказала бандита, который его избил! А кстати, почему у него только губа была разбита, а нос и глаза целы?»

Вспомнила, как Костя лупил Лёшку, — и усмехнулась. Он давал ему пощёчины открытой ладонью...

После урока она всё же наведалась к директору. Тот хмуро выслушал.

— Родителям я сам позвоню. Если придут к вам — отправляйте прямо ко мне. Без объяснений.

По ноге проехалось что-то острое. Ольга Николаевна вздрогнула.

— Ой, тётя, простите! — слышалось снизу. — Я вас танком задел! Я нечаянно!

На неё широко распахнутыми глазёнками смотрел пацанчик лет четырёх. В джинсовом комбинезончике.

— Чем задел?

— Танком, вот! — мальчик приподнял планшет, висевший через плечо.

К планшету был резиночкой привязан игрушечный танк.

— Саша, сколько раз я тебе говорила: танк дома оставляй! — к малышу наклонилась молодая женщина. — Извините, всюду его с собой таскает! Не расстается!

— Мне его папа подарил! — заявил Саша. — И планшет тоже! Папа воюет, фашистов бьёт! Он танкист!

— Значит, в армии ваш папа?

— Да, — женщина поправила на мальчугане шапочку и вдруг быстро заговорила: — Это чтоб он в убежище не боялся... Я ему накачала игрушек туда, мы почти всю осень в подвале сидели, на Октябрьском. Он играет, увлечётся и взрывов не пугается. А в последний раз вылезает — а квартиры нет, прямое попадание. И труба газовая загорелась. Хорошо, что документы у меня были. Только планшет и остался.

— И... где же вы теперь? — выдохнула Ольга Николаевна.

— В этот район переехали, к маме. Тесно, но ничего. А потом наш папа лечиться приезжал, ранили его, легко, слава Богу. Два месяца побыл и опять туда же...

— Папа вернётся, когда фашистов прогонит! — вступил Саша. — И я, как вырасту, тоже буду их бить!

— Когда ты вырастешь, мы их уже победим...

— А вдруг они где-нибудь спрячутся?

— Этот найдёт! — женщина заулыбалась. — Читать уже хочет учиться, чтоб расти быстрее. Только книжек мало, всё сгорело...

— Девушка, — поспешно произнесла Ольга Николаевна, — вас как зовут?

— Лена...

— Леночка... вот что...

Только не передумать!

— Вот мой телефон, давайте договоримся встретиться. Я вам отдам книжки детские и игрушки, у меня много, и уже не нужны... От внука остались.

— От внука? — Лена смотрела, бледнея.

— Да... Его нет больше. Невестка поехала к своей матери в гости, их там на остановке и накрыло. Сразу. Тоже... прямое попадание. Сын после этого в ополчение пошёл. Он не говорит мне, где он, но я чувствую — в пекло рвётся. Боюсь, что...

Она задохнулась и не закончила.

— А вы как же... одна?

— Нет, с мужем... Его парализовало... через неделю, но уже ничего, лучше. Восемь месяцев прошло... С палочкой ходит.

Мальчонка глядел насупленно.

— Если вам не нужно... мы придём! Вам помочь чем-то, может быть?

— Там посмотрим, — Ольга Николаевна улыбнулась с усилием. — Вы, главное, позвоните!

— Обязательно! — Лена спрятала визитку. — До свидания! Спасибо вам!

— Да не за что пока...

— До свидания! — Саша перехватил планшет и пошёл за мамой.

Она провожала взглядом маму и мальчика. Ещё раза три он оборачивался и махал учительнице рукой.